

БЛЕЙК ПИРС

НЕВ

МЕНЯ

ЕМАЯ

КНИГА №3 ИЗ СЕРИИ ТРИЛЛЕРОВ О КОРЕ ШИЛДС

Серия триллеров о Коре Шилдс

Блейк Пирс

Невменяемая

«Lukeman Literary Management Ltd»

Пирс Б.

Невменяемая / Б. Пирс — «Lukeman Literary Management Ltd»,
— (Серия триллеров о Коре Шилдс)

Это третий роман в новой серии от автора детективов и саспенса номер один Блейка Пирса. Внешне Кора Шилдс — настоящая крутышка. Ветеран морских котиков и лучший агент Отдела поведенческого анализа ФБР, Кора имеет репутацию человека, который сделает всё необходимое, чтобы поймать убийцу. Но никто не знает, что внутри она разбита, зависима от обезболивающих и находится в глубокой депрессии. Кора, работающая как мститель-одиночка, единственная, кто осмелится взяться за это дело. Она знает, что если ей это удастся, она сможет спасти жизнь женщины вовремя. А если она потерпит неудачу, то может оказаться за решёткой навсегда. Захватывающий и душераздирающий криминальный триллер с блестящей и измученной мстительницей в главной роли, эта серия — увлекательная детективная история, наполненная непрерывным действием, саспенсом, поворотами и неожиданностями, откровениями и движимая головокружительным темпом, который заставит вас переворачивать страницы до глубокой ночи. Следующие книги серии также уже доступны.

© Пирс Б.

© Lukeman Literary Management Ltd

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	8
ГЛАВА ВТОРАЯ	13
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	18
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	20
ГЛАВА ПЯТАЯ	22
ГЛАВА ШЕСТАЯ	26
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

БЛЕЙК ПИРС НЕВМЕНЯЕМАЯ

КНИГА №3 ИЗ СЕРИИ ТРИЛЛЕРОВ О КОРЕ ШИЛДС

ПРОЛОГ

Не обращая внимания на рыдания из соседней комнаты, Минди стояла у душа и повернула кран. Она резко отдернула руку, чтобы не попасть под первый ледяной плевок воды. Потом, всё ещё в халате, развернулась к зеркалу и принялась тыкать пальцем и прощупывать то, что подозрительно походило на мешки под глазами.

Шум в комнате за стеной только усилился. Она вздохнула, прислушиваясь ещё несколько секунд. Затем дверь *щёлкнула*, и всхлипы стихли. Наконец-то.

Парень просидел на кровати почти полчаса – безутешный.

После сеанса некоторые клиенты становились такими, но платили все одинаково, а это и было главным. Минди поправила две клипсы на ушах, потом медленно сняла их и положила фальшивые «изумруды» в маленький лоточек над раковиной.

Она провела рукой по мочке уха и поморщилась. «Отвращение к иглам», как это называют. По её мнению – просто здравый смысл. Проколов у неё не было. Татуировок тоже.

Как оказалось, для некоторых клиентов это было одним из козырей.

Она выглянула в тесную спальню мотеля, косясь на дверь. Ушёл. Клиент был *ушёл, ушёл*, милосердно *ушёл*.

Только тогда она позволила себе облегчённо выдохнуть и улыбнуться. Рванула из ванной, поспешила к двери, заперла её и вернулась. На секунду остановилась, нахмурилась и присела, проверяя, не прячется ли кто под кроватью.

В её работе нельзя быть слишком осторожной. Иногда клиенты могли быть изобретательными в желании выкроить ещё пару секунд с понравившейся девчонкой.

Эскорт. Ночная бабочка.

Она фыркнула.

Старая добрая шлюха.

Так она это и называла – и от этого сама работа не становилась для неё хуже. Она не была здесь потому, что прижало, и не из-за каких-то там проблем с папочкой.

Минди была здесь, потому что деньги были хорошие, и это, чёрт побери, в разы лучше прежней работы – где можно было схлопотать в глаз горячим жиром и отбиваться от пьяных лап, тянувшихся поздней ночью.

По крайней мере, здесь они платили за право.

Она вернулась в ванную и закрыла дверь. Пар уже поднялся и затуманил зеркало. Она взгляделась в своё лицо – не то чтобы *красавица*, но и не уродина. Посередине. Сойдёт.

Она усмехнулась и начала разворачиваться к душе, одной рукой поправляя пояс халата.

И тут она услышала *скрип*.

Минди нахмурилась, застыла на месте и прислушалась, как испугнутый кролик.

Ещё один *скрип*. На этот раз – дверь. Она сморщила нос, начиная оборачиваться. Джон вернулся? Чёрт – разве она не заперла дверь?

Теперь – быстрые шаги. Она резко развернулась, когда дверь в ванную вдруг с грохотом распахнулась.

Она уставилась в спальню, глаза – блюдцами. Из горла вырвался пронзительный крик. В проёме маячил мужчина в тёмном капюшоне и в гротескной маске из лавки ужасов – скалился, как гаргулья. За первым протиснулся второй, тоже шагнул вперёд.

На её крик они не дрогнули. И не дрогнули, когда она отчаянно шарила позади себя, нащупывая в душе хоть что-нибудь, что можно было бы использовать как оружие.

– Помогите! ПОМОГИТЕ! – взвизгнула она. Ужас захлестнул её целиком.

Оба схватили её – руки, как тиски, сомкнулись на запястьях. Она попыталась наступить им на ноги, но на них были большие, тяжёлые ботинки. Она попыталась расцарапать им руки, но хватка оказалась слишком крепкой. В этом ужасе было трудно даже думать.

Она продолжала кричать, а они тащили её вон за дверь – с таким безразличием к её вою, словно она вообще не издавала ни звука.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кора шагала вверх по узкой тропинке через лес, тревожно поглядывая то вправо, то влево, выискивая среди деревьев любую скрытую угрозу.

Обычно она не соглашалась на встречи вне знакомой территории. Но теперь, вернувшись в Западную Виргинию – на свои детские тропы, – она чувствовала себя достаточно уверенно почти на любой местности. К тому же по телефону Гэбриел Финч говорил так, будто дело не терпит отлагательств.

Она недовольно буркнула, пнув с тропинки сосновую шишку, и в который раз подумала: с какой стати родители вообще дали её номер бывшему её сестры.

От этого движения она остановилась и поморщилась. Подняла руку, помассировала забинтованное плечо, затем опустила взгляд на белую марлю, обмотанную вокруг руки. Врач говорил, что всё заживает вполне неплохо.

Ей пришлось сменить двух терапевтов, прежде чем она нашла того, кто не лез с расспросами о происхождении огнестрельных ран.

Достаточно сказать, что последний месяц – череда дурных решений, из-за которых её уволили из ФБР, – оставил Кору с новыми карьерными перспективами, которых она, пожалуй, не ожидала.

Но одно было точно. В этом новом деле она чертовски хороша. Если это вообще можно назвать *работой*.

Она предпочитала думать о себе как о человеке, который всё улаживает. Профессиональным решале. Особенно там, в серой зоне, где коррупция, неповоротливая бюрократия и политика мешают делу дойти до реального исполнения.

Кора остановилась, медленно вдохнула и посмотрела сквозь деревья в сторону маленького деревянного сарайчика, который заметила раньше.

Именно здесь Гейб хотел встретиться.

Место вполне подходящее – вокруг высокие дубы, да пара сосен вперемишку, будто сам лес никак не мог определиться.

Она взглянула на телефон. Пропущенных не было. Она раздражённо вздохнула. Она пыталась снова связаться с агентом Солом Брэди. Но в последний раз, когда она видела своего бывшего напарника, она перекинула его с лодки в океан. Сделала это, чтобы защитить его, но, судя по мёртвой тишине, он видел ситуацию иначе. Она даже начала тревожиться, что с ним что-то случилось. Но пара старых коллег из ФБР – после того как она немного подоставала их письмами, – подтвердили, что Сол вчера вернулся на работу, бодрый и здоровый.

И всё же он по-прежнему не перезванивал.

Она мрачно пробормотала что-то себе под нос, мотнула головой и быстрым шагом пошла по тропе к сараю. Постучала в деревянную дверь. Костяшки задели грубую древесину.

Сразу же раздался голос:

– Входите!

Она не вошла. Вместо этого она заглянула за косяк и через окно, проверяя, нет ли ловушек.

Но в окне она увидела крупного мужчину с широкими плечами, сидящего на деревянном стуле. Он не был толстым – просто крепко сбитый. Видно, часто таскает и поднимает тяжести.

Теперь она толкнула дверь, решив, что он без оружия.

Гэбриел Финч сидел за небольшим деревянным столом, моргнул, глядя на неё снизу вверх, и неловко поёрзал, как только она вошла.

– Привет, – медленно сказала она.

Гейб снова был в своей дурацкой кепке, выглядывая на неё из-под козырька с оценивающим выражением.

Широкоплечий, он походил на игрока в американский футбол или лесоруба. Высокий – не меньше метра восьмидесяти восьми, – с опилками на закатанных рукавах фланелевой рубашки. Вьющиеся, растрёпанные волосы выбивались из-под кепки; сначала казались тёмными, но когда он откинулся назад, солнце, пробившись через окно, поймало их и придало им лёгкий соломенный отблеск.

Кора неловко переменила положение, прижав ладони к татуированным предплечьям. Её волосы были выбриты коротко с одной стороны, почти под ноль, а с другой оставались до плеч. Из-за травмированного плеча поза со скрещёнными руками была ей неприятна, но, упрямая как всегда, она не меняла стойку – хотя бы из нежелания показывать этому мужчине слабость.

– Ну? – коротко бросила она, всё ещё скрестив руки и стиснув зубы. Серо-морские глаза Кора встретились с умным голубым взглядом Гейба.

В прошлый раз, когда они разговаривали лично, она связала его и пригрозила пытками.

Не самое дружелюбное начало.

Она нерешительно огляделась, оценивая пол.

– Здесь больше никого нет, – сказал Гейб.

Она резко вскинула голову, прищурившись.

Он почесал подбородок и пожал плечами. «Видел, как ты снаружи оглядывалась. Раньше», – сказал он, ткнув большим пальцем себе за плечо. «Кажется, заметил, как ты проверяла». Он обезоруживающе улыбнулся. «Это просто я. Это не ловушка».

«Ловушка? С чего ты взял?» – огрызнулась Кора, теперь уже напряжённая, и глаза её всё так же метались к окнам.

«Это не ловушка. Это не ловушка! Эй, расслабься, Кора».

«Не называй меня так!»

«Эм... так это же твоё имя, разве нет? Как мне тебя называть? Моя мама, кстати, поговорила с твоими родителями. Они не знали, стоит ли вообще что-то про тебя говорить». Он сверкнул улыбкой. «Я сказал маме, что спрошу у тебя, будешь ли ты в церкви в это воскресенье».

Кора вздохнула, растирая переносицу. «Твоя мама – прямо как моя».

«Значит, женщина что надо».

«Ох, чёрт. Да чтоб тебя. Хватит. Я поняла – ты тут включил своё обаятельное деревенское простачество».

Он нахмурился. «Это расизм».

«Нет», – поправила она. «Это снобизм. Поза, которую я держу специально для тебя, Гейб, потому что я всё ещё не уверена, что ты не убил мою сестру. Так что давай без болтовни. Скажи, зачем я здесь. Ты говорил, что нашёл кое-что. Ну?» Она многозначительно приподняла брови и – хотя бы чтобы снять напряжение в плече – протянула руку, пошевелив пальцами.

При упоминании сестры и полупрямого обвинения Гейб посерьёзnel. Он медленно вдохнул, нервно ёрзая. Он не выглядел совсем уж *истуганным*, но явно был на взводе. Надо отдать ему должное: в прошлый раз, когда она связала его и угрожала, он проявил немало мужества.

И теперь та же железная воля проглядывала в его голубых глазах, как искры кремня.

«Я держал это в банковской ячейке», – медленно сказал он. «Пришлось ждать до понедельника, чтобы забрать. Ну вот – и забрал».

«Забрал что?»

Он поднял палец. «Я сейчас полезу в карман. Только не надо, ну знаешь... стрелять в меня. Резать. Ломать шею. Что там ещё».

«Посмотрим».

«Смешно», – проворчал он. Но медленно сунул руку в карман. Чуть сдвинулся и достал четыре сложенных белых конверта. Бумага была в пятнах. Старая, потрёпанная. Он положил четыре письма на стол и виновато глянул вверх.

«Что это?» – сказала она.

«Письма».

«Вижу, Шерлок. Какие письма?»

«Ты всегда так грубишь людям, которых пытаешься запугать? Это тактика?»

«Да чтоб тебя, Гейб. Просто скажи, что это за письма».

Он постучал по ним длинным мозолистым пальцем. «Вот эти, – осторожно сказал он, – *любовные* письма. Написаны от руки, курсивом. Их прислали, ну, не знаю... примерно за месяц до того, как Роуз забрали».

Кора теперь застыла. Больше не переминалась с ноги на ногу; руки всё так же обхватывали её саму, словно пытаясь обнять. Наконец она нерешительно шагнула вперёд, вырвавшись из краткого оцепенения. Она хмуро уставилась вниз. На конвертах было только имя её сестры – небрежным, размашистым почерком. Каждый был адресован Роуз.

«Ты посылал ей это? Тогда зачем ты показываешь их мне?»

Но Гэбриел Финч повёл длинным пальцем из стороны в сторону. «Не-а», – сказал он. И впервые она заметила в его глазах боль. Он неловко пошевелился, откинулся на деревянной chair, и та скрипнула. Он выдохнул, сдувая с глаз пару завитых прядей. «Не я», – сказал он; боль всё ещё держалась в его взгляде, а голос вдруг стал холодным.

Коре понадобилась секунда, и она фыркнула. «Не смейся», – резко бросила она. «Роуз не крутила с тобой за спиной».

Он пожал плечами. «Я нашёл их в нашем старом... эм... месте».

«Месте?»

«Ну да, ты понимаешь».

«Место для поцелуев. Фу, Гейб. То есть ты нашёл это там, где ты мучил с моей младшей сестрёнкой?»

«Чёрт, мы были одного возраста, Кора. Не говори так. Но да. Она их там оставила. Или... ну... Кто-то оставил».

«Когда?» Теперь голос Кору стал ледяным.

«Эм...» Он так и не смог встретиться с ней взглядом. Он посмотрел в окно и тихо выдохнул. «Ну, просто... понимаешь...»

«Нет, Финч, я *не* понимаю. Когда ты их нашёл?»

Он пробормотал что-то почти неразборчивое. И она подалась ближе, уперев костяшки пальцев в стол. «В ту ночь, когда она пропала? Ты издеваешься, ублюдок? Ты не сказал копам про эти письма?»

Гейб откинулся назад, тоже разозлившись. «Я не знал, что делать, понятно! Я только что узнал, что моя девушка мне изменяет. Я любил её, Кора! Правда любил!»

«Любил настолько, чтобы заставить её расплатиться?» – сказала Кора, едва сдерживая накатывающую ярость. «Так, значит? Хотел, чтобы она получила по заслугам, да? Она тебе изменила – и ты выследил её и...»

«Да ни хрена!» – рывкнул Гейб, рывком вскочив и опрокинув деревянный стул. Он тяжело дышал; мощная грудь ходила ходуном под клетчатой фланелью. Она вдруг поняла, насколько пугающе близко выглядит этот деревенский здоровяк. Но отступать не стала – наоборот, подняла взгляд и встретила с его глазами, не отводя холодного, обвиняющего взгляда.

Вспышка эмоций подняла его на ноги, но удержать не смогла. Большой мужчина обмяк, прислонившись к запылённой деревянной стойке. Теперь, когда он двигался, Кора была и зла и насторожена. Сработала выучка: она начала просчитывать риск и траектории. Если за стойкой

у него припрятан пистолет, она пнёт стол в его сторону, прикроется им, а потом резко пойдёт вперёд.

Мысли возникли стремительно и сами собой. Внутри поднимались её природные инстинкты.

Но даже пока она прокручивала эту возможность, Гейб опустил голову и заговорил таким тихим голосом, что та часть Кора, которая сейчас не кипела от ярости, ощутила укол сочувствия.

«Я не знал, что делать», – пробормотал он. – «Мне было стыдно. Я злился. Я... я не понимал, что мне вообще полагается делать...» – голос дрожал; звучало жалко, но в то же время больно. – «Я... я нашёл эти письма и подумал, что она со мной расстанется, понимаешь?» Теперь, когда он поднял на неё глаза, в них и правда стояли слёзы. Она смотрела, ошарашенная. Часть её хотела вlepить ему пощёчину, чтобы выбить из него эту размазню. Чувствительность – не то, что ценится в её работе.

Но Габриэль взял себя в руки и продолжил тихим дрожащим голосом: «А потом, на следующую ночь, явились копы и стали спрашивать про неё. Некоторые, кажется, думали, что я к этому причастен. И... они отреагировали так же, как ты», – сказал он. – «Я знал, что они бы решили, будто я что-то сделал. Так что... так что...»

«Так что ты не рассказал им про *единственную* зацепку, которая была?» – сочувствие погасло, как пламя на ветру.

Он раскрыл рот, чтобы возразить, но она оборвала его. «Ты утаил доказательства», – сказала она, и палец у неё дрожал, когда она ткнула им в него. – «Ты мог прийти и рассказать об этом много лет назад! *Много лет назад!*» Она вздрогнула, сообразив, что уже кричит.

Она на секунду замолчала, стараясь успокоиться, закрыв глаза. Одновременно мысли в голове неслись галопом. Он говорит правду?

Если да, значит, у её сестры был тайный парень? Такой, о котором она даже Коре не сказала? Они же были так близки... неужели Роуз собиралась рассказать Коре?

Пока эти мысли кружили у неё в голове, она заметила, что Гейб смотрит в пол, стиснув зубы. На мгновение ей показалось, что он злится, но, приглядевшись ещё секунду, она поняла: это был опущенный взгляд стыда.

Она снова ощутила укол сочувствия, но он спорил с её злостью и раздражением. Во время исчезновения Роуз он был совсем молод. Она могла понять, пожалуй, почему подросток прятал постыдные письма. Но с другой стороны, если Роуз была жива – или, что хуже, *была* жива – и из-за его молчания сестра лишилась жизни, Кора никогда ему этого не простит.

Она знала, что родители сказали бы про такую позицию, но она никогда и не притворялась святой. Кора тяжело выдохнула. Лучшее, что она могла сделать, проявляя милость к человеку, поставившему под удар благополучие её сестры, – это прикусить язык.

А если она выяснит, что он врёт?

Для них обоих это бы ничем хорошим не кончилось.

Она шагнула вперёд, выхватила письма прежде, чем он успел возразить – а он даже не попытался, – резко развернулась на каблуках и решительно зашагала прочь.

Он не окликнул её, и она не оглянулась.

За её спиной тянулся шлейф уныния – оттуда, где он стоял, потерянный, уставившись в землю. Но она прибавила шаг, сжимая четыре письма в одной руке; большой палец скользнул по витиеватой подписи – имени её младшей сестрёнки.

Шагая вперёд, она почувствовала комок в горле, но проглотила его.

Лишь когда деревья сомкнулись за спиной, к ней вернулось дыхание. Она медленно выдохнула, пытаясь собраться с мыслями. Родители назначили ужин на сегодня. Но хотелось ли ей правда лезть в это болото?

Она стиснула четыре письма, смяв их в ладони, и только потом заметила, что делает, – и разжала пальцы.

Ей хотелось уехать из этого городка. Забрать письма и исчезнуть. Но она также знала: ей некуда идти. Торопясь обратно к машине, она вспомнила тревогу в голосе матери. Обещание, которое та почти силком вытянула из Кора.

Ужин сегодня. Срочно.

И вот, с оттенком отчаяния, Кора смирилась с тем, что вечер будет склочным. В то же время до ужина у неё будет время перечитать эти письма. В поисках чего?

Чего угодно.

Точнее – кто их прислал.

Неужели Гейб их подделал?

Как бы то ни было, это была ниточка.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кора торопливо поднялась по подъездной дорожке к небольшому, уютному деревенскому дому родителей. Пальцы скользнули по потёртым белым перилам, пока она перескакивала через ступеньки по две сразу. Лоб у неё был нахмурен, и она то и дело похлопывала рукой по карману, проверяя, на месте ли сложенные письма.

На письмах – ни имени. Никак не узнать, от кого они. И ни одно не от Роуз – уже хоть что-то. Милые пустяки, не больше. Кто-то отправлял их её младшей сестре, но Кора понятия не имела, *кто* за этим стоит. По дороге к родителям на ужин она перебирала варианты.

Как сузить круг возможных поклонников?

Лучше всего – спросить родителей напрямую.

И от одной этой мысли у неё скручивало желудок. Ей не хотелось срывать пластырь, вскрывать старые раны.

Ужин с семьёй и без того давался тяжело. Она надеялась, что хотя бы в этот раз они с отцом не скатятся до крика, а мать не начнёт отчитывать Кору за то, что та не ходит в церковь. Мама была доброй женщиной и желала как лучше, но Кора никогда не могла смотреть на неё, не видя в ней отца.

И вот теперь она замерла у двери, облупившейся от старой краски. Медленно вдохнула, глянув в сторону. У порога лежал коврик «Добро пожаловать». По обе стороны – аккуратные горшки с растениями. Это всё – маминых рук дело.

А облезлая краска на двери?

Вотчина отца.

Старик заботился о доме куда меньше, чем о том, чтобы по возможности не потратить лишнего. Она помнила, как в детстве отец однажды запретил детям смывать в туалете – из желания экономить воду.

В другой раз он перекрыл воду, когда она была в душе, с пеной в волосах, обвинив её в том, что она слишком долго моется.

Мать была мягкой – хотя и избегала конфликтов. Отец же был и законом, и судьёй, и полицией.

И пока она не оказалась рядом с ними, Кора никогда особенно не любила полицейских.

Но сейчас у неё была задача. Она дала матери слово и должна была узнать, кто *ещё*, больше десяти лет назад, проявлял интерес к Роуз.

Коре уже приходили в голову кое-какие ухажёры, но спортсмены, о которых она думала, были не из тех, кто вплетает поэзию в письма с витиеватым почерком. Парни, которые нравились Роуз, были крупные, накачанные и слегка туповатые.

И всё же она подумала о Гэбриеле Финче. Он был крупный – в прошлом спортсмен, – но уж точно не дурак. Пусть иногда, ей на потеху, он и прикидывался простачком, на самом деле Финч был человек хваткий, всего на пару лет моложе неё. Протискиваясь в аккуратно подмётённый коридорчик маленького ранчо, она невольно вспоминала, как обошлась с Финчем.

Пожалуй, не самое *доброе* знакомство – похитить человека и пригрозить допросом, – но она по-прежнему не была уверена, можно ли ему доверять и не замешан ли он во всём этом.

Бумага в кармане чуть смялась, когда она вошла в дом.

– Эй, вы тут? – позвала она, стараясь говорить *вполоса* хотя бы из предвкушения вечного замечания.

В ответ раздался *звяк* тарелок и столовых приборов. Долгий вздох. А потом – бодрый голос, перекрывающий этот вздох:

– Кора! Мы на кухне – заходи, заходи!

Кора невольно чуть улыбнулась, услышав мамин голос. Один сплошной уют, без единого укола. Есть женщины, которые одним тоном умеют передать материнские объятия.

Кора прошла дальше, свернула на кухню и неловко замерла в дверях, глянув на обоих родителей.

Они выглядели так, словно их вырезали из «*Фермер'с уикли*». Отец был в комбинезоне и в аккуратной фланелевой рубашке. На голове – запылённая бейсболка, козырёк торчит к потолку; на ней реклама какого-то политического кандидата, о котором Кора и слыхом не слышала.

Мать возилась с противнем булочек: сняла их с плиты, перенесла на стол, поставила и улыбнулась поверх столба пара, поднимающегося от её драгоценной выпечки.

Мамины булочки с вареньем не раз получали награды на осенней ярмарке. Три фиолетовые ленточки гордо красовались на холодильнике. Жена мистера Шилдса то и дело снимала их – стесняясь, – но сам он, гордый её успехом, неизменно вешал обратно.

Иногда Коре становилось тоскливо от того, как сильно родители любят друг друга. Отец был добрым, игривым, часто улыбался...

...Своей жене.

Никогда – Коре.

В каком-то смысле она понимала: наверное, это её вина. А в каком-то – она до глубины души злилась на него за то, что он заставил её так думать.

– Мам, – вежливо сказала она. – Пап, – добавила она, голосом совершенно ровным. Во всяком случае, ей хотелось верить, что ровным.

От дымящегося противня потянуло запахом булочек. Кора подошла ближе к кухонному столу и положила руку на спинку пустого деревянного стула напротив того места, где сидел отец.

Что-то было не так. Они оба украдкой, нерешительно переглядывались. Отец то и дело прочищал горло, поглядывал на газету на столе – и снова переводил взгляд обратно.

Кора вздохнула, так и не садясь.

– Что случилось? – спросила она, уже куда более серьёзно, чем вначале.

Мать лишь махнула рукой, будто отгоняя любые вопросы:

– Варенья хочешь, дорогая?

– Что не так? Кто-то умер? – спросила Кора. – Вы ведёте себя, как тогда, когда умерла тётя Луиза.

Отец нахмурился и выпрямился. Он посмотрел на жену.

– Марта, – неопределённо сказал он, – давай просто поедим. Поговорим потом.

Жена бросила на него быстрый взгляд.

– Мы же это обсуждали, Нилс. Обсуждали ведь?

Муж снова нахмурился. Кора знала: мама часто задаёт вопросом то, что на самом деле является возражением, – лишь бы смягчить удар. И хотя у Нилса Шилдса был характер – с другими, и особенно с Корой, – с женой он обычно оставался поразительно терпелив. Он кивнул ей и попытался перевести разговор:

– Пахнет отлично. Мёд у нас есть?

– Конечно. Нет-нет, сиди, дорогой. Я принесу.

Кора не обернулась, но слышала, как распахнулась дверца шкафчика, а потом хлопнула. Через секунду на стол шлёпнулась маленькая баночка натурального мёда. Отец быстро поцеловал жену и схватил ещё дымящуюся булочку.

Кора уже начинала чувствовать себя так, будто угодила в фильм ужасов. Родители недоговаривали, и при этом оба явно что-то скрывали. Не смерть в семье – о таком они бы уже сказали. Значит, что-то другое?

И еще было странно видеть их обоих такими оживлёнными. Мать суежилась на кухне, словно лисица, обустривающая логово. Отец же не только щедро намазывал мёд, но ещё и *насвистывал* при этом.

Насвистывал он, правда, не слишком приятно – скорее нервно.

Они оба, если уж на то пошло, ходили на детей, которых оставили под дверью директорского кабинета за дерзость на уроке. Неужели родители что-то *натворили* ?

Это было тем более странно, что много лет оба Шилдса как будто выпали из жизни. У них отняли всё. Их младшая дочь пропала без вести. Их старшая дочь просто *исчезла*. И они остались друг у друга одни. Единственные, кто вообще видел оживлённую Марту и Нильса, – это они сами, да ещё пожилые люди из их маленькой группы по изучению Библии.

Кора, впрочем, никогда туда не ходила. И она не привыкла видеть родителей без привычной брони неодобрения, висящей в воздухе.

Неужели они решили, что больше в ней не разочарованы? Она стиснула спинку стула. Это была ужасная новость. Потому что если так, то это без всяких сомнений означало: они *хотели* от неё чего-то.

Точно. Вот оно. Она медленно кивнула.

– Чего вы хотите? – наконец сказала она, всё так же вцепившись в деревянный стул.

Как только она задала вопрос, оба родителя резко подняли на неё глаза и вдруг застыли. Потом, стараясь это скрыть, заговорили одновременно. Мать начала рассуждать о разных видах варенья. Отец спросил, как прошёл день.

Но как быстро эта болтовня началась, так же быстро и закончилась.

Родители обменялись последним взглядом, и первым набрался смелости заговорить Нильс.

– Слушай, Кора, мы... мы знаем, что у тебя есть кое-какой опыт в... в расследованиях.

– Вы про мою службу в ФБР? – медленно сказала Кора.

– Да, про это, – резко отозвался отец. – Ну... похоже, это и правда может тут пригодиться.

Кора моргнула. Потом внутри вспыхнула злость. Она уже открыла рот, чтобы ответить, но мать перебила – как всегда переиначив слова мужа.

– Он хочет сказать, – предположила Марта, – что мы думаем: ты могла бы быть *очень* нам полезна. Если у тебя, конечно, найдётся время.

Кора переводила взгляд с одного на другого, не понимая, злиться ей или заинтересоваться.

– Вы просите меня помочь?

– Нет, – сказал отец.

– Да, – сказала мать.

Кора решила смотреть на мать.

– В чём?

– Да так, ничего особенного, – сказал отец.

– Это ужасно, – сказала мать.

На этот раз Кора не вмешалась – просто терпеливо ждала, когда мать продолжит. Та помедлила: пальцы крутили тесёмки фартука, ноги переступали по кафельному полу. Но наконец Марта выпалила:

– Одна из новых женщин в нашей библейской группе... её... её... недавно *призвали* к Господу.

– Убили, – мрачно сказал муж.

– Она теперь с Иисусом, Нильс! – вдруг огрызнулась Марта.

Это было единственное, в чём Марта поправляла мужа. Во многом мать Кору порой была робкой, но именно она была духовной опорой их брака. И когда речь заходила о таких вещах, как *смерть* или *боль*, Марта всегда добивалась своего.

Кора же, напротив, предпочитала избегать этих тем вовсе. Всё заканчивалось обидами. Поэтому вместо философских споров с матерью она обошла реплику и сказала:

– Значит, в вашей библейской группе убили женщину.

Марта и её муж переглянулись снова, будто советуясь со своей второй половиной. А потом выдохнули и сказали одновременно:

– Да.

– Ну, по крайней мере, хоть в чём-то мы сошлись, – сказала Кора, изо всех сил стараясь, чтобы в голосе не прозвучало *слишком* много сарказма. – Вы с полицией говорили? – добавила она.

– Да, – теперь заговорил отец, сминая пальцами газету. – Они не будут этим заниматься.

– Милый, – сказала миссис Шилдс.

Муж протянул ей газету. – Что, нет, я хотела сказать... – Марта осеклась, затем деликатно кашлянула. – Я про тебя, дорогой. Не говори так. Полиция отлично справляется.

– Нет, – жёстко сказал Нилс. Он посмотрел на Кору. – Я говорил с шерифом Кластером. Они даже не собираются разбираться. Потому что Минди была проституткой.

– Нилс – следи за словами! Минди, к сожалению, работала в... таком месте, – торопливо сказала Марта, морщась и косясь на Кору, словно боялась, что дочери покажется оскорбительным слово «*проститутка*». Кора думала только о том, как русский бандит сжал её задницу за мгновение до того, как она перестреляла целый клуб на своей последней маленькой вылазке. Она и впрямь жила в другом мире, не в том, что её родители.

– Полиция при Кластере теперь не такая, как ты помнишь, – быстро сказал отец. – Они медлительные, опьянённые властью и продажные.

– Я так их и помню, – сказала Кора.

– Ох... ну, тогда они такие же, как ты помнишь.

– Дорогая, пожалуйста. Не говори плохо о Кластере. Его жена – моя подруга.

Но Нилс упрямо продолжал. Он посмотрел на дочь и пожал плечами. – Мы просто... не знаем, к кому ещё обратиться... – он не договорил.

– За чем? – невинно спросила она. Ей хотелось услышать, как он это скажет.

Он кашлянул в ладонь и пробормотал: – За помощью. Мы не знаем, к кому ещё обратиться за помощью.

Марта закивала. Теперь она стояла рядом с Корой, прижимая ладонь к её запястью и оставляя на коже белую пудру муки. – Минди была непростая, но очень добрая женщина. Она не заслужила смерти. Это ужасно. Мы же собирались позвать её завтра на вечер скрэббла!

Кора медленно выдохнула. Ей хотелось отказаться.

Но в глазах родителей было столько боли, что она понимала: не сможет. И у неё было подозрение, *почему* они вдруг снова оживились. Загорелись чем-то, выходящим за пределы привычной рутины.

– Сколько ей было лет? – тихо спросила Кора.

Мать беспечно махнула рукой: – Ой, ну... хм... лет двадцать с небольшим, примерно так.

Отец сделал вид, будто вопроса не слышал. Оба вели себя так, словно не понимали, на что она намекает.

Двадцать с небольшим. Столько было бы Роуз, будь она жива. Кора не хотела становиться циничной, но ей пришло в голову: не нужно ли напомнить родителям, что эта девушка – не Роуз. Родителям так и не дали покоя насчёт младшей дочери. Они так и не узнали, что произошло. Несколько лет они даже цеплялись за надежду – молились без конца, чтобы дочь вернули. Этого так и не случилось.

Впрочем, Кора решила, что стоит отдать им должное: они и вправду переживают за эту новую женщину. Настолько, что просят о помощи Кору – семейную паршивую овцу.

К тому же это давало ей повод задержаться в городе ещё немного. Она почувствовала письма в кармане и подумала, не заговорить ли о них. Но по тому, как всё шло, по напряжению, было ясно: им, пожалуй, лучше подождать.

Да и Кора как раз ломала голову, откуда возьмётся следующая работа. Она ведь не какой-нибудь профессиональный подрядчик. Обычно работа находила её, а не наоборот.

Она выпрямилась и обогнула стол, чтобы схватить булочку. Откусила и с удовольствием выдохнула. – Как всегда, восхитительно, – сказала она. Мать улыбнулась.

– Не сядешь с нами?

– Мне, пожалуй, лучше пораньше взяться за это, – ответила Кора. – В таких делах чем дольше тянешь, тем проще спрятать улики. И если вы правы насчёт полиции, если им на всё наплевать, то чем раньше я начну, тем лучше.

Родителей это объяснение, похоже, устроило. Оба понимающе кивнули. Мать подалась вперёд, и на миг показалось, что она сейчас быстро чмокнет Кору в щёку. Но она не решилась и вместо этого похлопала дочь по руке.

Кора улыбнулась матери. Отец помахал газетой, и Кора в ответ быстро, подчеркнуто официально кивнула; на миг ей показалось, будто она на службе в армии.

А потом она развернулась, оставила кухню позади, прошла по коридору и вышла через парадную дверь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Коре не нужно было спрашивать, в каком мотеле остановилась Минди, потому что в этом маленьком захолустном городке он был один-единственный.

К тому же две полицейские машины, припаркованные у здания, и записка на стеклянной двери с намёком, что третий этаж временно закрыт, были более чем красноречивы.

Вопрос был в другом: сумеет ли она пробраться внутрь так, чтобы её не арестовали.

Кора сидела тихо и смотрела через лобовое стекло, наблюдая за двумя полицейскими, стоявшими у входа.

Мотель был в три этажа. Второй и третий опоясывали металлические перила под грязными, заляпанными окнами. Кора и сама провела здесь немало времени – особенно в подростковые годы, – пока наконец не сбежала из этого города.

Не все воспоминания, связанные с этим мотелем, были приятными. Другие до сих пор заставляли её улыбнуться.

Она решила, что лучше всего зайти сзади. Там тоже стоял полицейский, а до пожарной лестницы ещё надо было как-то добраться, но если идти через парадный вход, её, скорее всего, узнают.

Объехав здание и свернув на заднюю стоянку, она застыла.

У одного из контейнеров для мусора стоял грузовик. Грузовик, который она узнала. И массивный мужчина, похожий на линейного в американском футболе, сидевший на водительском месте, тоже был ей знаком.

Что Габриэль Финч делает на месте убийства проститутки?

Она припарковалась в двух рядах позади его грузовика. Вышла из машины, медленно и бесшумно подошла к большому автомобилю сзади.

Потом её рука скользнула в открытое окно, выхватила ключи и швырнула их себе за плечо.

Гейб вскрикнул и дёрнулся, оборачиваясь к ней. – Что за чёрт?

– Ты за мной следишь, – огрызнулась она.

– Нет, не слежу. – Он уставился на неё; прежняя настороженность сменилась раздражением. – Это *ты* за мной следишь!

Кора нахмурилась, и он нахмурился в ответ.

Полицейский, охранявший чёрный вход, покосился в их сторону, и Кора заставила себя быстро улыбнуться. Одновременно её взгляд метнулся к третьему этажу. Одно из окон было заколочено картоном. Она подумала, не в той ли комнате убили Минди.

Сохраняя улыбку и стараясь выглядеть доброжелательно, она прошептала:

– Зачем ты здесь?

Габриэль Финч замялся, прикусил губу и сказал:

– Я не был уверен... вдруг ты к этому причастна.

Она уставилась на него. Он уставился на неё. Она перевела взгляд на место преступления и снова на рослого плотника.

– К убийству?

– Ага. – Он кивнул.

– Ты думаешь, это я убила эту девчонку?

Он пожал плечами.

– Ну, ты же угрожала убить *меня*.

– Я угрожала тебе пытать. Это другое. И вообще – я этого не делала.

Он виновато почесал затылок.

– Ты же никому не говорил, что подозреваешь меня? – спросила она напряжённо.

Он быстро мотнул головой, затем пробормотал:

– Пока нет.

– Я никого не убивала, Гейб. – Она помолчала, обдумала и добавила: – По крайней мере, в этом городе. В последнее время.

От этих уточнений он заметно побледнел.

– То есть ты всё-таки убивала людей?

В памяти снова вспыхнула перестрелка в русском ночном клубе. Она коротко пожала плечами.

– Тебе лучше уйти отсюда.

– Ты пришла прятать улики?

– Нет. Я тут ни при чём.

Теперь уже он посмотрел на неё с подозрением.

– Тогда зачем ты здесь?

Они снова уставились друг на друга. Пожалуй, их лицам это было привычнее всего.

Кора сказала:

– Знаешь, беру назад. Не уходи. Ты ещё можешь пригодиться.

– В каком смысле?

Она взглянула на копа, потом на Гейба – и ухмыльнулась.

– Вообще-то это просто идеально.

Она прокрутила план в голове и начала кивать, а по лицу снова расползлась злорадная улыбка. Потом сказала: «Слушай внимательно. Мне нужно, чтобы ты кое-что сделал. И прежде чем откажешься, вспомни: ты утаил улику в деле об убийстве. За такое срок давности не предусмотрен».

«Не верю».

«Слова – не веришь, а по тону слышно: веришь».

И тогда, уверенная, что он сможет сыграть роль, которую она уже отвела ему в своей голове, она сказала: «Мне не нужно, чтобы ты делал что-то незаконное. Это уже моя забота. Тебе надо лишь помочь – и теперь я говорю серьёзно, слушай внимательно».

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Кора наблюдала из-за угла переуллка. Плечом она прижималась к белой штукатурке здания и выглядывала туда, где полицейский караулил заднюю дверь.

Гэбриел Финч возражал куда сильнее, чем она ожидала. Но в конце концов сработала мысль о том, что она сдаст его за сокрытие улики – тех самых, что сейчас были у неё.

Всю дорогу от его пикапа до копа он не раз бросал на неё злые взгляды. Но она приехала сюда не дружбу заводить. Тем более – с бывшим парнем младшей сестры, который утаил улику от следователей. Каждый раз, когда он смотрел на неё с презрением, она думала лишь о том, что это взаимно. И всё же ей было немного забавно. Добравшись до копа, Гейб метнул в её сторону ещё один яростный взгляд, а потом застонал. «Боже мой, – говорил он. – Больно. Так больно».

Игра была настолько отвратительной, что она закатила глаза, но осталась на месте, прижатая к стене.

«Моя бедная селезёнка. Кажется, у меня сейчас желудок взорвётся!» – заявил Гейб. Он тянул слова, как будто читал с суфлёра; она даже не говорила ему, что именно говорить. Но, похоже, у деревенского парня с импровизацией было совсем плохо.

Коп нахмурился и уставился на него. «Финч, ты что задумал?»

Кора поморщилась. Коп знал Гейба. В таком маленьком городке это было неудивительно.

Наконец, решив, что слова не производят нужного эффекта, Гэбриел перестал говорить и вместо этого начал стонать ещё громче. Вот это ей понравилось. Чем громче становились стоны, вскрики и отчаянные вопли, тем нервнее выглядел полицейский у задней двери. Гэбриел согнулся пополам, обхватив живот предплечьем и прижимая его изо всех сил. У него даже тянулась к земле нитка слюны. Вид был не слишком привлекательный, зато явно действенный.

Теперь коп подался вперёд и дёрнул Гэбриела Финча за плечо. И тут Кора двинулась. Гейб потянул копа за предплечье – на пару шагов к себе. Теперь между спиной полицейского и задней дверью оставалось добрых пять футов.

Полицейский к тому же стоял к ней спиной – ровно как они и договаривались. Надо отдать Гейбу должное. Он ей был ни к чему, и уважения он не заслуживал, но хотя бы с этим справлялся.

Она начала скользить вдоль каменной стены, и неровные выступы царапали спину через ткань рубашки. Она едва решалась дышать. Потом, через несколько мгновений, она нащупала металлическую ручку задней двери. Ладонь упёрлась в холодное стекло, и она уже не прислушивалась к выходкам Гэбриела. Коп говорил по рации, но спустя пару секунд Гэбриел Финч выпрямился и сплюнул в сторону. Затем сказал: «Дон, похоже, ты это сделал. Кажется, я исцелился». И, резко развернувшись, зашагал обратно к своему пикапу. Через плечо он крикнул: «Я больше никогда не хочу о тебе слышать!»

Полицейский стоял и ошарашенно смотрел вслед коренастому мужчине.

Кора распахнула дверь, проскользнула внутрь, поморщившись от боли, и тихо притворила её за собой. Полицейский начал поворачиваться к ней, и она метнулась назад, юркнув в нишу, образованную разрывом в стене, где стоял питьевой фонтанчик. Она пригнулась, а полицейский бросил взгляд на дверь, которая снова оказалась закрыта. Он почесал подбородок, нахмурился, потом вернулся на свой пост, пожал плечами и пробормотал что-то ещё в рацию.

Кора застыла в нише под питьевым фонтанчиком. Дышала она медленно.

Когда полицейский снова отвернулся, она обернулась и посмотрела вдоль коридора. В самом конце она заметила стойку и молодую женщину за ней – скучающее выражение лежало

на её лице, как дешёвая косметика. Двое других полицейских, стоявших снаружи, разговаривали с этой женщиной. Та отвечала односложно и, судя по звукам, жевала жвачку. Напротив Кору в стене была дверь в туалет, а дальше – лестничная клетка.

Третий этаж. Туда она и направлялась.

Кора поспешила вперёд, держась ниже и дыша как можно тише. Она поднялась по лестнице. Тонкий серый ковролин был заляпан грязью и жиром. Мотель, без сомнения, знал лучшие времена; вдоль стен кто-то нацарапал карандашом или маркером надписи. Наверху лестничной клетки кто-то пробил гипсокартон насквозь.

Судя по всему, это был старый акт вандализма. Вряд ли связанный с убийством.

Она обогнула следующий пролёт, и только чудом не столкнулась с двумя другими офицерами, спускавшимися с третьего этажа. Единственная причина, по которой она в них не врезалась, – у подножия лестницы они повернули налево. Она шла справа. И всё же едва не налетела на одного из полицейских, который говорил:

– Нам и правда нужно пятеро на такую штуку?

Другой пожал плечами.

– Начальник сказал – значит, надо.

Кора нахмурилась. Пятеро. Двое здесь, двое внизу и один у чёрного входа. Значит, на месте преступления вообще никого нет. Они приехали расследовать убийство или мешать другим его расследовать? Она вспомнила предупреждение отца, но её собственные воспоминания о местной полиции были куда менее тёплыми.

Она скользнула следом за двумя полицейскими, когда те пошли по левому коридору, и поспешила вверх, на третий этаж. Не оставалось сомнений, какая из пяти дверей на площадке принадлежала жертве.

На ковровине были пятна крови. На стене были приколоты фотографии с места преступления – заламинированные, глянцевые. Дверь крест-накрест перетягивала лента, ограждающая место преступления. На третьем этаже Кора никого не увидела. Она подумала, что двое полицейских, вероятно, патрулируют и скоро вернутся. Надо было торопиться. Но прежде чем войти в номер, она нахмурилась, глядя на заколоченное окно, которое заметила. Оно выходило на пожарную лестницу. Она подошла ближе, огляделась, задержав взгляд на подоконнике. Щепки. Свежая древесина. Она посмотрела на защёлку. Сломана. Само стекло было разбито – остались только осколки. Остальное кто-то подмёл, но несколько крупных фрагментов всё ещё торчали из рамы.

Вещественные доказательства рассказывали свою историю. Кто-то пытался поддеть защёлку, разозлился, а потом разбил окно.

Она повернулась обратно к двери, ограждённой лентой. Взгляд упал на пятна крови. По рукам пробежала лёгкая дрожь. Теперь Кора уже слышала голоса – похоже, полицейские возвращались с обхода. Она выругалась, пригнулась и быстро пошла вперёд. Она обошла кровавые пятна на полу, нырнула под ленту и задержалась лишь на миг, чтобы оглянуться наружу, держа телефон в руке – сфотографировать снимки с места преступления, приколотые к стене. А потом юркнула обратно в номер как раз в тот момент, когда двое полицейских снова показались наверху лестницы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Она тяжело дышала, прижавшись спиной к сырой стене – этой комнате явно не помешал бы осушитель. Она вдавилась в стену, коротко, поверхностно втягивая воздух, морщась от боли и прислушиваясь, как двое патрульных проходят мимо двери.

Один из них остановился. Раздался *скрип* половицы.

Она съёжилась, застыла на месте, чувствуя холодную влажную стену лопатками и отчаянно желая развернуться и юркнуть в ванную, но любое движение, любой звук – и они сразу поймут, что она здесь.

И тогда всё мигом переключится с разведки на тактическое отступление. Она была вне прямой видимости из дверного проёма, скрытая за распаханной дверной коробкой. Край предупреждающей ленты, видный за косяком, трепетал.

Скрипучая доска в коридоре протяжно застонала, но почти сразу к этому добавилось чьё-то бурчание. – Мы это оставили открытым?

– Да, чувак. Дверь была открыта.

– Точно?

– Точно.

Пара недовольных ворчаний – и *скрип* петель: дверь медленно закрылась. Дверная рама, словно веер, гнала к Коре затхлый порыв воздуха, но она затаила дыхание, выжидая и прислушиваясь.

Она не выдохнула, пока вновь не услышала, как шаги удаляются к лестнице.

И тут её телефон завибрировал.

Глаза у неё распанулись, как блюда. Если бы полицейские всё ещё стояли прямо за дверью, они бы без сомнения услышали этот звук. Она поспешно выдернула аппарат из кармана и едва не выключила его.

Но тут она увидела имя звонящего.

Сол Брэди.

Чёрт.

Она прикусила губу, снова наваливаясь на сырой стеной, будто ища хоть какой-то опоры. Сол звонит. Звонит *сейчас!* Почему именно сейчас?

Живот свело от злости. Вообще-то она *и правда* пыталась дозвониться до бывшего напарника. С тех пор как она швырнула его в океан – ради его же блага, как она себе не уставала повторять, – он не отвечал на её звонки. Вежливый, воспитанный джентльмен не из тех, кто позволит кому-то обращаться с собой как с мешком.

А она шла к яхте с намерением разнести эту штуку к чертям. Сол был хорошим человеком – очень хорошим агентом. Чертовски умным, но он не солдат.

Она сделала то, что сочла правильным.

И надеялась, что со временем он отпустит.

Похоже, это время наступило *сейчас*. Она уставилась на телефон, который всё вибрировал и светился, и вырвала из себя тихий стон раздражения.

Потом ответила.

– Алло? – сказала она, едва слышно, почти шёпотом. – Сол, это ты? Я могу перезвонить?

Есть вещи важнее радиомолчания во время операции. Но голос на том конце был резким и жёстким. – Нет, Кора. Слушай меня. Я звоню по старой дружбе.

Она поморщилась от тона Брэди. Он явно всё ещё злился. Она тихо выдохнула. – Что случилось?

– Ты чем-то занята? Знаешь что, неважно. Я не хочу знать. Никогда больше, Кора. Я не хочу знать ничего из этого.

Она поморщилась, отходя от двери и углубляясь в место убийства. На полу она заметила новые пятна крови и осторожно перешагнула через них, пытаясь держаться по делу, но всё равно ощущая укол сожаления из-за того, как звучал голос её бывшего напарника.

После того как всё развалилось в ФБР, Сол оставался единственным её другом. Остальных она по-настоящему не винила. Это была её чёртова вина – пить на работе. Таблетки.

Но теперь... теперь всё было иначе.

Она не притрагивалась к алкоголю с тех пор, как ушла. Ну или... с тех пор, как её *вышвырнули*.

Такие вот моменты – когда она крадётся по номеру отеля, работая на вольных хлебах, – и давали ей тот выброс адреналина, без которого она уже не могла.

Так что Солу лучше не знать. Лучше, чтобы *никто* из них не знал. Особенно заместителю директора Малкольму Огдену. Этот самодовольный ублюдок точил на неё зуб с тех самых пор, как она начала делать себе имя в бюро. Кора пошла наперекор шансам: выбралась из захолустного городишки и из травматичного прошлого и принялась раскрывать дела.

То, что она справилась без помощи родителей – и без их денег, – сильнее всего и бесило директора Огдена. Самостоятельность была её непростительным грехом.

И потому с тревогой она услышала следующую фразу в трубке – ровно то, чего ей меньше всего хотелось.

– Огден копает Флориду.

– Ч-что?

– Флориду. До Огдена дошли слухи, и он взялся за это. Я позвонил предупредить. Вот и всё, Кора. Я больше не могу обсуждать с тобой дела. Я просто...

– Эй, подожди – Огден знает, что я была во Флориде?

– Он что-то подозревает. Но не знает.

Кора поморщилась.

– Он знает... или... думает, что ты... – она осеклась.

Усталый вздох. Она так и видела своего бывшего напарника: проводит ладонью по морщинистой щеке, прижимает к подбородку, потом снова ведёт вверх – задумчиво, поглаживающе.

– Не знаю. Я только слышал, что он копает. Вот и всё. – Пауза, затем тихо: – Ты ведь осторожничаешь, да?

Кора прикусила губу. Она посмотрела на одну из кроватей в мотеле, потом – на пятно крови на ковре.

– Э-э... да, – солгала она. – Спасибо, Брэди. Правда. Я больше не буду тебя доставать. Обещаю. И... и насчёт того, ну ты понимаешь... – она скривилась и просто выпалила: – Я не хотела швырять тебя в океан и уезжать.

Фыркнувший смешок. Один только звук поднял ей настроение. Но кислота в голосе бывшего напарника сразу подпортила благодарность.

– А выглядело так, будто очень даже хотела. Но я понимаю, Кора. Я прощаю тебя за то, что ты бросила меня в океан.

– Скорее подтолкнула... – пробормотала она.

Но он продолжил, будто не слышал.

– А вот что мне трудно простить, – раздражённо сказал он, – так это мысль, что ты собиралась заставить меня болтаться на воде и смотреть, как тебя убивают. *Вот это*, – сказал он, и голос его дрогнул от чувства, которого до сих пор в нём не было, – вот этого я тебе никогда не прощу. Я *не* буду смотреть, как ты себя губишь, Кора. Ясно?

Она медленно выдохнула, и вдруг пересохло во рту. Кора никогда прежде не слышала, чтобы Брэди так выходил из себя. Это было от тревоги – она знала. Он относился к ней как к родной дочери – это она тоже знала. Но он просто не понимал.

Да и как ему понять?

Она была сломана. Ранена. Плечо ныло часто – даже без стягивающей повязки. А вдобавок она до изнеможения устала притворяться тем, чем не была.

Она служила на флоте и в ФБР. Но теперь, сама по себе, без бюрократических пут, ей казалось, что её наконец-то отпустили – по-настоящему что-то менять.

– Сол, спасибо за предупреждение.

– Просто будь осторожна, Кора. Чёрт возьми, будь осторожна.

Она вздрогнула. Её бывший напарник редко ругался. Но, опять же, она знала: его злость была и за неё, и на неё.

– Спасибо, Сол.

И он повесил трубку.

Она осталась одна в комнате мотеля проституток, хмуро уставившись в пол. Огден копал Флориду – значит, её дни «в тени» стремительно подходили к концу. Она понимала: *лучшее*, что можно сделать, – собрать вещи, вернуться домой и залечь на дно. Не дать Огдену ни единого повода заподозрить, что она занята чем-то, кроме как наслаждается преждевременной отставкой.

С другой стороны...

Она оглядела место преступления, снова посмотрела на кровати, на пол. Фыркнула. Место преступления, которое надо осмотреть. Полиция, которая, похоже, не слишком горит желанием раскрывать это дело.

Она кивнула самой себе, принимая решение. Да... да, она продолжит. К чёрту Огдена.

А что до Брэди?

Она вздохнула. Надеяться оставалось на одно: со временем он поймёт, почему ей необходимо это делать. Но чем дольше она стояла тут, уткнувшись в собственный пуп и размышляя о мнениях бывших коллег из ФБР, тем меньше оставалось времени разобраться, что случилось с Минди.

И потому Кора снова окинула комнату взглядом и сперва заглянула под кровать. Ничего – кроме использованной салфетки.

Она бросила взгляд на мусорное ведро. Презерватив. Несколько дозаторов с мылом. Видала и похуже.

Она подошла к тумбочке и проверила ящики. Пусто.

Она взглянула на маленькую сумочку, оставленную у шкафа. Нахмурилась, подошла и опустилась на одно колено. Сумочка тоже была пустая.

Убийца забрал её кошелек? Деньги?

А что, если это было просто преступление по случаю? Обычная кража со взломом, что пошла не так? Она покачала головой. Снова посмотрела на мусорку. Презерватив... На нём могла быть ДНК. Полиция вообще уже прогнала здесь криминалистов?

Чего они ждут?

Кора поморщилась и отвернулась от кровати.

И тут она заметила дверь.

Она была приоткрыта.

Кора моргнула, напрягшись. Они же закрыли дверь. Она слышала, как она закрылась.

Но сейчас дверь была открыта на пару дюймов. Пульс участился. Она каждую секунду ждала, что копы ворвутся внутрь с оружием в руках.

Но этого не произошло. Более того – она всё ещё слышала их голоса где-то дальше по коридору и звук шагов по полу.

Она нерешительно подошла к двери, прислушиваясь. Потом провела взглядом по дверному косяку.

На замок была наклеена полоска скотча. Она уставилась на неё. Скотч был наклеен так, чтобы не дать замку щёлкнуть.

Скорее всего, это сделали не копы.

Минди?

Зачем Минди мешать собственной двери запирается? А как насчёт клиента, что был с ней в ту ночь? Или клиентов? Кора фыркнула. Жаль, что она не сумела найти телефон в сумочке Минди – он помог бы сузить круг.

Но без него оставалось лишь делать выводы самой.

И один вывод напрашивался сам собой. Кто бы ни наклеил скотч на дверь, не давая ей запирается, явно замыслил недоброе. По крайней мере, так становилось понятнее, как убийца сумел так быстро войти и выйти.

Она замялась, подумав о пожарной лестнице. О разбитом окне.

Кто-то... или несколько человек... действовали быстро. Разбитое окно. Вниз по коридору. Дверь уже подготовлена – толкни, и она откроется – в ванную.

Она посмотрела на кровавые следы на полу, поморщившись. Минди выползала наружу, пытаясь найти помощь? Или её волокли, пока она умирала?

Внутри вспыхнула злость. И дело было вовсе не в альтруизме родителей и не в их заботе. В прошлом деле Кора разговаривала с проституткой – молодой женщиной по имени Рейн, которую приковали цепью в подвале у психа.

Крепкая оказалась девчонка. Кора даже дала ей свою дебетовую карту. Она покачала головой, хмуро глядя на пятна крови.

Не ограбление. Не с этим скотчем и разбитым окном. Это был преднамеренный удар. Они влетели быстро, ушли быстро и оставили жертву ни с чем. Сумочка пустая.

Она нахмурилась. Работай она всё ещё в ФБР, могла бы поручить кому-то прогнать ДНК по предметам из мусорки и из-под кровати.

Но теперь приходилось действовать по-старому...

Немного поговорить.

Внизу дежурный на стойке выглядел скучающим и уставшим. Достаточно уставшим, чтобы быть и ночным сменщиком?

Узнать можно только одним способом, решила Кора. Она прислушалась у двери, пока шаги копов не стихли вдали, терпеливо выждала и снова вышла в коридор, поспешила к лестнице и, перескакивая через ступеньку, помчалась вниз – обратно на первый этаж.

Если кто-то что-то видел, то это был ночной дежурный.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Теперь она выпрямилась и пошла вперёд – словно ей здесь самое место. Судя по табличке на входной двери, первые два этажа мотеля всё ещё работали. Хотя, скорее всего, копы *знали*, кто в каком номере живёт. Ей надо было действовать быстро и уверенно, не давая им ни единого повода решить, что она здесь без разрешения.

Но к этому моменту она уже видела место преступления. Разговор с дежурным – разве это табу?

Пара копов слонялась у автомата с закусками у входной двери, переговариваясь вполголоса. Оба глянули в её сторону, когда она подошла к стойке администратора.

Сохранив нейтральный тон и с полотенцем, которое она выхватила с тележки горничной, небрежно перекинутым через плечо, Кора сказала – достаточно громко, чтобы копы услышали:

– В моём номере клопы.

Администраторша за стойкой надула большой розовый пузырь, потом втянула жвачку обратно и продолжила жевать. В губе у неё было кольцо, в носу – кольцо, а на боку шеи татуировка паука. Тёмная подводка обводила глаза кругами, и она уставилась на Кору, моргая по-совиному.

Через мгновение взгляд молодой администраторши скользнул к татуировкам Кору, видным из-под воротника и вдоль рук. Она нахмурилась.

– Шилдс, да?

Кора неловко поёжилась. Она забыла, как душно становится, когда возвращаешься в маленький городок. Она разок кивнула, бросив быструю улыбку копам у двери, но улыбка тут же угасла.

Улыбаться было не её сильной стороной. Она почесала сбоку голову, проводя пальцами по той части волос, что ещё не была выбрита.

Она чувствовала на себе взгляд полицейских. Но пока ни один из них не двинулся, чтобы вмешаться.

Кора снова улыбнулась администраторше, но опять это выражение было чужим на её губах. В конце концов она остановилась на том, что, как ей хотелось верить, выглядело по-свойски.

– Ты в порядке? – нахмурилась администраторша.

Улыбка с лица Кору слетела мгновенно. Теперь она хмурилась, скрестив руки.

Двое копов у двери снова о чём-то говорили между собой, но время от времени поглядывали на них. Кора медленно произнесла:

– Мне нужна ваша помощь, чтобы получить новое полотенце.

Администраторша ткнула пальцем в полотенце у неё в руке.

– Ты только что стащила его с тележки. Я видела.

Кора впиалась в неё взглядом.

– Как тебя зовут?

Девчонка замялась.

– Аманда.

Кора прокрутила в голове имена, пытаясь вспомнить, знала ли она кого-нибудь по имени Аманда десять лет назад. И тут щёлкнуло.

– Ты дочь Дэвида и Мэнди?

– Ну, не обязательно навешивать ярлыки.

Кора даже не была уверена, что это значит, поэтому просто пропустила мимо ушей.

– Я помню твоих родителей. Они раньше возили мою сестру в яблоневый сад.

Глаза администраторши оживились.

– Ты про тот, что на пятьдесят девятом?

Кора разок кивнула. В последний раз, когда она была в тех местах, она как раз похищала Гэбриела Финча.

Администраторша же просто откинулась на спинку стула за стойкой.

– Ты говорила, тебе нужны полотенца?

Кора, решив, что молодая женщина достаточно дружелюбна, незаметно проталкивала по столешнице под своей ладонью купюру в пятьдесят долларов. Бумага тихо хрустнула, и она держала плечи расправленными, скрывая движение от полицейских.

Понадобилась секунда – и администраторша заметила деньги. Глаза у неё расширились, и когда она выдохнула через нос, пирсинг дрогнул вверх-вниз. Она протянула руку и схватила купюру. Глянула на Кору – в глазах вопрос. Кора слегка тряхнула полотенцем. Администраторша прочистила горло и сказала:

– Полотенца. Точно. Пойдём со мной. У меня есть чистые полотенца.

По крайней мере, её актёрские навыки были не такими паршивыми, как у Гэбриела Финча.

Кора не стала смотреть, продолжают ли копы следить за ней, и просто последовала за молодой женщиной вокруг стойки – к двери за кассой.

Оказавшись вместе с администраторшей в подсобке, та зацепила дверь, закрыла её и сказала:

– Ну что, тебе покурить или проглотить?

Кора окаменела.

– Что?

Девчонка замялась.

– Ты же пришла купить, да?

Аманда деловито переставляла бумажные полотенца на стеллаже и вытащила оттуда маленькую розовую косметичку, спрятанную в глубине. Она расстегнула золотую молнию, показывая контейнер, набитый самокрутками и маленькими пакетиками с голубыми таблетками.

Мгновенно Кору затошнило. Она сглотнула, вытерла губы. С минуту она могла только смотреть. Короткий кивок. Пара таблеток. Попробовать. Чем это может навредить? Она же не собиралась употреблять всё, только чуточку.

Но даже пока эти мысли нахлынули на неё, Кора знала: это ошибка.

Она уже несколько недель ничего не принимала. Ей что, хочется сорвать эту полосу?

И, что ещё важнее, ей хочется снова почувствовать себя так? Совершенно не в себе. Спокойной – но ценой рассудка.

Чуть ли не с яростью Кора оттолкнула маленькую косметичку.

– Я не за этим, – сказала она сухо, не моргая.

Подросток замялась, потом пожала плечами и убрала сумочку обратно за бумажные полотенца. И сказала:

– Может, я ошибаюсь, но по вам видно – именно за этим вы и пришли.

Кора покачала головой.

– Поверь, тебе лучше с этим не связываться.

Девчонка уверенно кивнула.

– Дети, не употребляйте наркотики. – Она начертила крест на груди. – Поняла, босс. Так за что тут полтинник?

Кора снова взглянула на запечатанную дверь, заставляя себя не сбиваться. В голове у неё поднялся оборотень. Она так это и называла. Часть её – не совсем она и не совсем кто-то другой – была нацелена сделать всё, лишь бы утолить внезапный позыв. Глубокую тягу.

Но оборотень сожрал бы всё и всех, до кого смог бы дотянуться. Не важно было, если вдуматься, что её поступки ранят Сола Брэди. Не важно было, когда она пила, что она явится на дело пьяной, поставив под угрозу расследование. Не важно было, что на кону чужие жизни и её поведение бросает их под удар.

Кто-то называет зависимость болезнью.

Коре было плевать, как это называют. Она знала одно: стоит ей ввязаться – и остаётся ощущение, будто она наполовину мертва. И всё же оборотень всегда возвращался – рычащий, голодный, измождённый. Чем сильнее она сопротивлялась, тем мощнее становилась тяга.

Она коротко, дрожащим выдохом спустила воздух.

И даже шагнула назад, физически отстраняясь от держателя для полотенец.

Она посмотрела туда, где продавщица постукивала по карману. Аманда хмурилась с недоумением.

Наконец Кора сказала:

– Мне нужно знать про вчерашнюю ночь.

Аманда подавила зевок. Снова скупающий вид. Она скрестила руки.

– Про вчерашнюю ночь?

– Что случилось?

– Ты про верхний этаж?

Кора быстро кивнула.

– Кого-то убили.

Кора вздрогнула, но сказала:

– Ты знаешь, кого?

Девчонка покачала головой.

– Ты была здесь вчера ночью?

Та кивнула. Помедлила и добавила:

– Но я ничего не видела и наверх не ходила.

– Я и не говорю, что ходила.

Аманда сморщила нос.

– А тебе-то что?

– Работа такая – мне должно быть не всё равно.

– Так же коп говорил.

Обе снова бросили взгляд на дверь. Та оставалась закрытой. Кора посмотрела на полоску света под дверью. Пока ничто её не перекрывало – значит, никто не подслушивает.

Кора взглянула на Аманду, уловив что-то в голосе молодой.

– Ты говорила с полицией про вчерашнюю ночь?

Девчонка замялась, посмотрела на Кору. Махнула рукой в сторону её открытой руки.

– Ты как-то зажато двигаешься, – сказала она. – Новую татуху набила?

Кора замешкалась, потом поморщилась и покачала головой.

– Нет... травма. Но твоя мне нравится. Это же Арахни... как там её... ну, та, которую Афина прокляла.

– Ты знаешь греческие мифы? – Пальцы Аманды скользнули по её шее.

Кора пожала плечами.

– Раньше команды называли по этой фигуре. – Она осеклась и добавила: – Почему ты не разговариваешь с полицией?

– Да я разговаривала! – возмутилась Аманда.

– Да, но не совсем. Почему?

Аманда неловко поёжилась. Понижила голос, будто боялась, что их услышат через дверь.

– Не должно быть так... – сказала она, ёрзая. Глаза сузились, когда она зло уставилась на дверь. – Гарри – козёл.

– Гарри? Это один из полицейских? И чем он такой козёл?

– Да так, знаешь. Лезет с вопросами, которые ему не положено задавать. Заявляется поздно, когда он не при исполнении. – Аманда скривилась с отвращением. – Он мерзавец.

– Один из здешних копов?

– Угу.

Кора нахмурилась, снова скрестив руки. От напряжения кольнуло плечо, но она не отвела взгляда. Вместо этого сказала:

– Это уже второй раз, когда я слышу гадости о местных копах. Это всем известно?

– Что известно? Что Гарри – мерзавец?

– Нет... просто... только Гарри? А остальные?

– Ну... в смысле. Не знаю насчёт остальных. Они обычно постарше. Я не знаю. – Аманда уже двинулась мимо Кору, явно чувствуя себя неуютно из-за этих расспросов. Но Кора перехватила её за запястье, удерживая.

– Эй!

– Аманда, пожалуйста. Подожди. – Кора тут же отпустила.

– Чего?

– Прошлой ночью. Мне нужно, чтобы ты рассказала про прошлую ночь.

– С чего мне тебе рассказывать? Потому что ты съездила в какой-то яблоневый сад? Все знают, что ты уезжала из города. Тебя тут годами не было. Я тебя едва помню. Только татуировки и всё такое. Гейб всем говорит, чтобы за тобой присматривали.

Кора помрачнела.

– Гэбриел Финч обо мне говорит?

– Ага. Вы что, встречаетесь?

– Какого чёрта – нет!

– А то я подумала, что, может, да. – Она вроде бы чуть расслабилась. Во взгляде появилась мечтательность, когда она откинула голову на холодную металлическую перекладину. – Гэбриел Финч – завидный жених, правда?

– Как холод. А теперь, Аманда, что ты видела прошлой ночью?

– Ничего. Я—Они влезли через окно. Ты разве этого не слышала?

– Ладно, но ещё что-нибудь? Там же наверху был клиент с Минди, да?

Лицо Аманды побледнело. Её будто затошнило.

– Минди? Так её звали? Не думаю, что я знаю какую-то Минди.

– Пожалуйста, Аманда. Там был кто-то ещё? Ты видела, как кто-нибудь заходил? – Кора быстро взглянула на дверь и понизила голос. Под дверной рамой теперь двигалась тень. Она устала на неё, и живот неприятно скрутило.

Кора заговорила ещё тише. Она наклонилась ближе, почти шепча, глядя на Аманду, которая теперь тоже нервно косилась на дверь.

– Мне нужно знать, – негромко сказала она. – Минди была подругой моих родителей. Я не прошу ничего такого, из-за чего у тебя будут неприятности. Просто – видела ли ты, как кто-нибудь вошёл, прежде чем её нашли. Может, кто-то местный, да? Поэтому ты и не хочешь мне говорить?

В дверь вдруг постучали – три быстрых удара.

– Эй, там. Аманда, у вас там всё в порядке? – громко донёсся голос.

– Минутку! – рявкнула Кора.

Аманда пискнула.

– Это Гарри, – прошептала она.

Кора замерла, глядя на страх в глазах девушки. Тихо выдохнула и один раз кивнула. Кем бы ни был этот Гарри, он явно запугал Аманду – и Коре это совсем не понравилось.

Она взялась за ручку двери и на миг замешкалась. Прислушалась – не скрипнет ли пол и не последует ли ещё один стук, – а потом распахнула дверь *резко*, врезавшись в неё плечом и впечатав её прямо в лицо мужчине снаружи, который прижимался ухом к дереву.

Он выругался и отшатнулся, когда Кора шагнула в коридор.

– Ой, – воскликнула она, прижав ладонь ко рту. – Простите. Так, так, так простите! Вот, дайте я. У вас кровь. Чёрт. Вот полотенце.

Она промокнула Гарри лицо, похлопывая полотенцем. Полицейский в синей форме ругался, прижимая ладонь к лицу, а из носа у него струилась кровь. Быстрый взгляд на Аманду подтвердил: та смотрела широко раскрытыми глазами, в благоговейном изумлении.

– Да твою мать, ты что наделала? – сказал другой голос. Второй полицейский торопливо обогнул стойку, хмуро глядя на Кору.

Она опустила полотенце и быстро уронила его.

– Простите! – взвизгнула она. Внутри она старалась не ухмыльнуться. Мужчина, зажавший нос, всё ещё шатался, сипло втягивая воздух.

Аманда торопливо обогнула стойку, обходя двух полицейских, подняла полотенце с пола.

– Эй – эй, как тебя зовут! – рявкнул напарник Гарри.

Но Кора уже двинулась к двери, которую они оставили. – Простите, сэр! – сказала она. – Я его не заметила. – И бросила на Аманду понимающий взгляд. Молодая женщина спрятала улыбку. А затем метнулась вперёд и распахнула для Кору дверь.

Двое полицейских уже пытались обойти стойку и вернуться назад, хмуро уставившись на Кору. Но когда Кора шагнула в дверной проём, Аманда наклонилась к ней и прошептала:

– Брендан Кларк.

Глаза Кору расширились, но она быстро кивнула в знак благодарности. Однако Аманда ещё не закончила. Она вышла следом за Корой на парковку и продолжила говорить вполголоса. Дверь за ней захлопнулась, полицейские уже двинулись, чтобы распахнуть её, а Аманда торопливо выпалила:

– Это был клиент. Он ушёл до того, как её нашли. Но он опасен.

– Где мне найти мистера Кларка?

– Мотоклуб. Называется «Красные жилыцы». Спасибо. Пока. – Аманда нырнула обратно в дверь, на мгновение загородив проход полицейским, а Кора перешла на лёгкий бег, оглябая мотель сбоку. Полицейские кричали ей вслед, но она уже рванула изо всех сил к ожидавшей машине.

Брэндон Кларк из мотоклуба «Красные жилыцы». Клиент, который видел Минди в ночь её смерти. Каковы шансы, что он добровольно поделится информацией?

Никаких.

Практически никаких – и это даже к лучшему, раз она действует вне правил.

Она торопилась к машине за мотелем и не сбавила шаг, пока ключи не оказались в замке зажигания и она не вырулила резко мимо мусорных контейнеров обратно на боковую улицу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Солнце всё ещё стояло высоко, когда Кора добралась до «Красного жильца». Сам клуб располагался на старом, изношенном перекрёстке примерно в полутора километрах от города. Дороги здесь были потрескавшиеся и убитые, словно дорожные бригады не появлялись тут никогда.

Вероятно, их отпугивали – или попросту гнали прочь – завсегдатаи этого места.

Изнутри грохотала музыка, вырываясь наружу и оглашая ночь. Музыка в духе Кору. В лучшие годы она встречалась с парой байкеров. Вписывалась ровно в такую компанию, хотя о клубе «Красный жилец» раньше не слышала. Здание выглядело старым, зато вывеска – новой.

У входа стояли двое мужчин в коже, болтали с женщиной, у которой пирсинга и растянутых тоннелей в ушах было больше, чем у Кору пальцев.

Кора остановила машину на другой стороне дороги, подняв облако пыли. Казалось, весь этот город насквозь пропитан пылью.

Она распахнула дверь, поморщилась, махнула рукой перед лицом и обошла машину спереди, прошагав мимо пустыря справа. Табличку «продаётся» изуродовали грубыми рисунками и граффити. Осколки ещё пары таких табличек валялись на земле, а одну – в одном случае – попросту сожгли.

Кора отошла от обочины, обогнула нос машины и решительно пересекла улицу к байкерам, которые разглядывали её с оценивающими лицами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.